

НИКОЛАЙ РОЗОВ

Время собирать камни: Апология поруганных категорий философии и политики

Что и почему нуждается в защите

Ситуация такова, что многие ранее авторитетные, общепризнанные категории и ценности философии, научной методологии, этики и политики нужно теперь восстанавливать и оправдывать. Во многом это связано с кризисом и утерей авторитета самой философии.

Уже четыре десятилетия (примерно после зенита славы Ж.-П. Сартра и К. Поппера в конце 1960-х гг.) мировая философия переживает падение легитимности и никак не может восстановить свое былое влияние и престиж. Многообразные причины тому и общие стратегии выхода из кризиса — особая тема [Розов 2002, гл. 7]. Здесь же укажем только на главные моменты.

Во-первых, уход философии из центра общественного внимания, ее явная неспособность убедительно отвечать на вопросы времени (несмотря на помпезные конгрессы, издание сотен журналов и тысяч толстых книг) обусловлены виной самих современных философов, пусть не всех, но задающего тон влиятельного большинства.

Во-вторых, роковым для философии оказался постпозитивистский *разрыв с наукой*, начавшийся с неслучайного триумфа релятивистской книги Т. Куна «Структура научных революций» [Кун 1977]. Для большинства современных направлений философии типичной позой является пренебрежение, демонстративное недоверие к позитивному и объективному научному знанию, невежество относительно современных научных достижений, откровенные нападки на на-

уку или попытки представить научное познание как одну из произвольных и необязательных «дискурсивных игр» (что отнюдь не исключает наличия у таких философов тщательно скрываемого комплекса неполноценности, скорее, нападки на науку даже подогреваются им).

Собаки лают, а караван идет. Пусть медленно, зато верно настоящие ученые все это время продвигались в познании не только природы, но также общества, человека, культуры, истории [Коллинз 2000]). Отнюдь не случайно философы оказались на обочине общественного внимания: гораздо больший интерес и доверие вызывают речи и труды экономистов, социологов, антропологов, историков, демографов (см. например, профессиональный состав лекторов в клубе «Билингва» на популярном сайте www.polit.ru).

В-третьих, философия утратила *веру в самое себя*. Заслуженный авторитет и слава Сартра и Поппера во многом были обусловлены их искренним энтузиазмом. Сартр действительно верил, что экзистенциальная философия даст людям свободу, подлинность существования, позволит преодолеть всевозможные помехи для самореализации и т.д. [Сартр 1953]. Таким же образом и Поппер верил в благое воздействие идей открытого общества, в освобождающую, прогрессивную и конструктивную роль научного познания [Поппер 1992]. Правы они были или нет — не в этом вопрос. Философы, как и все люди, вправе ошибаться, но они «по должности» обязаны будить в окружающих мысли и чувства. Без веры в себя, свое призвание и свои идеи этого не достичь. Люди слушают с вниманием, когда с ними говорят всерьез и о чем-то значимом. Если же все вокруг объявляется пустыми играми и симулякрами, а сама философия с искренностью, достойной лучшего применения, признает себя также лишь одной из игр словами и смыслами, то последствия вполне предсказуемы и неутешительны.

Социальный эффект налицо — почти полная утрата доверия общества к философии и философам. Замечание «это вопрос философский» теперь означает, что вопрос пустой, безнадежный и не заслуживающий внимания. Предложение «рассмотреть философский аспект» звучит редко даже среди интеллектуалов и, как правило, вызывает округленные глаза, насмешку и призыв прекратить «пустую болтовню».

В современном познании наука первенствует и действительно способна на очень многое, тем не менее ей подвластны не все вопросы. Сами *основания применяемой логики, исходных понятий, научных методов* исследуются не наукой, а философией.

Кроме того, наука, при всем своем могуществе, может судить только о производных, логически выводимых целях и нормах. Сами же *исходные нормативные основания суждений и действий — ценности* — не подвластны научным открытиям и выводам, что обусловлено известным

в философской этике «законом Юма» [Розов 1998]. Психологи, социологи, антропологи, политологи могут обнаружить, каковы у тех или иных людей собственные ценности и убеждения. Вопросы типа «что следует считать ценным?» и «как должно поступить?» лежат вне их профессиональной компетенции.

На такие вопросы смело, четко и внушительно отвечают моралисты, религиозные проповедники, политики и идеологи. Вероятно, отнюдь не случайно все они предпочитают монолог, не любят критики и вопросов по существу, чураются долгих вдумчивых дискуссий. Любая такая дискуссия выходит на вопросы нормативных оснований, что требует особых приемов мышления и рассуждений, а это уже чужая для них – философская – епархия, часто с их точки зрения подозрительная и опасная.

Вместе с тем вопросы оснований знания, особенно социального и исторического, вопросы ценностей, обоснования критериев оценки целей, средств и результатов той или иной политики никуда не исчезли. Откуда уходит философия, туда скоро приходит идеология (политическая, религиозная, моральная) – примитивный дайджест давно устаревших философских же идей, предназначенный не для пробуждения мысли, а для ее усыпления и беспрепятственной манипуляции массовым сознанием.

Особое значение эта апология имеет для социально-исторического познания, а также для анализа российской политики в контексте исторической макросоциологии.

Прежде всего, для социально-исторического познания вообще и для макросоциологии, в частности, придется защищать традиционные категории *сущности и причины, закона и закономерности*. Макросоциология, как всякая основанная на эмпирических данных наука, претендует на раскрытие сущностей и причин явлений, выявляет закономерности, формулирует и проверяет гипотезы о соответствующих законах. Все эти категории в период 40-летнего кризиса философии многократно осмеяны, отвергнуты и даже отчасти забыты. Дело дошло до того, что вполне позитивно мыслящие и ориентированные на осмысление достижений мировой науки философы отвергают полезность категории «сущность», отвергают наличие скрытых закономерностей, детерминирующих наблюдаемые явления и т.д. (см. мою полемику с Л.Е.Грининым [История и математика 2007]). Поэтому необходимой представляется апология указанных фундаментальных онтологических и гносеологических категорий: сущностей, причин, закономерностей и законов.

В познании общества, истории не обойтись также без нормативных идей, касающихся ценностей и долженствования. Особенно значимы такие вопросы, если дело касается политики. О ценностях сейчас не говорит только ленивый, это понятие заболтано, оно нуждается не столько в оправдании, сколько в освежающем критическом

анализе. Такая попытка в свое время была сделана в середине 1990-х и опубликована в работе [Розов 1998].

Принципиальный сдвиг, произошедший за 10–15 лет, – почти повсеместная дискредитация общечеловеческих (общезначимых) ценностей. Вполне понятно российское разочарование в этом лозунге горбачевской эпохи (вкуче с «новым мышлением», «реформами», «рыночной экономикой», «гласностью» и «демократией») из-за провала Перестройки, шока от распада СССР и массовой фрустрации 1990-х гг. Но феномен дискредитации общезначимых ценностей в той или иной мере оказался общемировым поветрием.

Действительно, европейцы с гордостью толкуют о гуманизме только своих «европейских ценностей». Наиболее известный американский ученый и публицист С.Хантингтон оставил свои прежние общелиберальные идеи и пишет о «схватке цивилизаций», причем ее обуславливают именно специфические, часто противоположные ценности, присущие разным культурам и народам [Хантингтон 2003]. Даже столп американской философской этики и политической философии, создатель по-кантиански общезначимой теории справедливости Дж. Ролз соскользнул к культурному релятивизму, стал толковать свои принципы как ограниченную, специфически западную платформу – результат конвенций [Rowls 2005]. Что уж говорить о пышном расцвете специфических русско-православных, арабо-мусульманских, турецких, иранских, китайских, индийских, аргентинских, мексиканских, африканских «культурных традиций», «цивилизационных оснований», «религиозных истин», «национальных идей» и т.д.

Вместо ценностей чаще стали в качестве оснований приводить «национальные интересы», а они по определению являются специфическими и ограниченными. В этом свете отнюдь не случайностью выглядит явное снижение роли и авторитета Организации Объединенных Наций.

Декларацию прав человека, в которой общезначимые ценности сформулированы четко, веско и убедительно, никто не отменял, но мало кто всерьез их использует при обсуждении и планировании «реальной политики». Эти ценности либо вообще игнорируются, либо воспринимаются как некий политкорректный гуманитарный «треп», вообще говоря, не мешающий проводить «гуманитарные» бомбежки и «зачистки» чужих (Сербия, Ирак) или своих территорий (Босния, Хорватия, Косово, Чечня, Ингушетия, Дагестан).

В этой ситуации апология общезначимых – общечеловеческих – ценностей представляется вполне актуальной. Для российской политики это особенно важно для восстановления статуса таких поруганных в постперестроечный период ценностей, как свобода, открытое общество, права человека, равенство возможностей, толерантность, политическое участие, демократия.

Апология сущностей

Некоторые исследователи считают категорию «сущность» устаревшей. Как правило, сущность при этом ассоциируется с вечностью, изолированностью, неизменностью и т.д.

«Сущность» — классическая познавательная категория, используемая в паре с «явлением» (феноменом). Сущность порождает явления, сущность более устойчива, чем явления. Сущность обычно скрыта от непосредственного наблюдения, но к ней возможен доступ специальными средствами (обычно в естествознании это физические приборы с обработкой данных, а в социальных науках всевозможные интерпретации наблюдений, и также логическая и математическая обработка данных). Надежный доступ к сущности делает ее явлением, соответственно, можно спрашивать о «более глубокой» сущности.

Заметим, глубина здесь не означает гартмановских онтологических слоев, а коррелирует с познавательными достижениями. Сущности и явления принадлежат одному миру, «сделаны из одного теста».

Термин может не нравиться (хотя не понятно, чем он хуже, чем «явление» или «причина»), но категорией «сущность» пользуются (в точности, как мольеровский герой говорил прозой, не зная этого) каждый раз, когда исследуют то, что порождает явления, пусть называя это механизмом, внутренней природой и т.п.

Разумеется, сущности, в том числе лежащие в основе исторических феноменов сущностные — управляющие — закономерности (см. ниже), меняются со временем, как все в этом мире. Сущности могут быть сложными и многосоставными (вовсе не обязаны быть «простыми», как древнее понятие о вечной и неделимой душе). Замените слово «сущность» на почти полный эквивалент «природа явления», и все встанет на свои места. Просто понятие «сущность» удобнее: можно говорить о множествах сущностей, о взаимосвязи между сущностями и т.д., а с «природами» так уже не получится.

Бессмысленно выстраивание каких-то умозрительных классификаций или иерархий сущностей, законов и закономерностей, поскольку статус каждого элемента из этих рядов напрямую зависит от развития познания, от средств доступа, от надежности методик, наконец, от позиции наблюдения [Fuchs 2001].

Иногда предлагают заменить категорию сущности причиной, фактором или зависимостью. В противном случае требуют обосновать ее необходимость. Брат Оккам — серьезный авторитет, его «бритва» — оружие грозное и праведное, поэтому такой вызов надо принять.

«Причина» при ближайшем рассмотрении оказывается категорией весьма многозначной и скользкой, требующей особых средств для концептуального закрепления.

Задам себе простой вопрос: почему вчера у меня в холодильнике скисло молоко? (Здесь «штить» намеренно снижен до уровня всем зна-

когого быта, но данный пример, вообще говоря, ничем не хуже вопроса К.Гемпеля о причине поломки радиатора в его классической статье о функции общих законов в истории [Гемпель 2000]). Вот перечень причин на выбор: неудачный сорт молока, плохая упаковка, холодильник недостаточно холодит, из-за отключения электричества целый час он вообще не работал, молоко долго не убирала в холодильник, кто-то из домашних попил прямо из пакета, что-то попало из воздуха, что-то, вызывающее скисание, уже было в молоке и т.д. и т.п. Некоторые причины альтернативны, но многие могут совмещаться. Супруга моя может сказать (и будет по-своему права), что купленное мной молоко скисло по следующим причинам: я зашел в неправильный магазин, купил неправильное молоко, кроме того, продавщица меня, неправильно одетого, не только обсчитала, как всегда, но и подсунула несвежий товар.

Те же и другие причины несложно представить на более научном языке «факторов» или «взаимосвязей». Теперь учтем, что причины бывают многослойны, взаимозависимы и проч. Причина всегда предшествует следствию, иногда может быть отделена от него во времени и пространстве.

Отметим теперь, что вопрос «какова сущность скисания молока (в этом и вообще в любом случае)?» дает более однозначный ответ: быстрый рост популяции молочнокислых (а вначале и гнилостных) бактерий. Теперь вопрос можно сдвинуть на причины этого роста — вполне нормальная постановка задачи, причем здесь уже круг причин будет полезным образом сужен и закреплен, будем искать агенты и условия роста этой популяции на основе данных микробиологии, в терминах температур, сред, агентов и проч.

Можно ли здесь заменить понятие «сущность» на понятие «причина»? Можно. Действительно, всякая сущность, порождающая свои явления, есть и причина этих явлений, но ведь это явно *особая причина*, причем именно та, которая обычно интересует фундаментальную науку.

Термины «фактор» и «взаимосвязь факторов» также родственны «сущности», или «природе явления». По сути дела, сущность обычно означает именно *взаимосвязь факторов, необходимых и достаточных для порождения определенного класса явлений*. При этом *язык факторов* — это язык качеств, признаков и параметров. Однако природу (сущность) явления можно признавать и описывать в *языке вещей (объектов)* и связей между вещами. Гибкая категория сущности позволяет в одних познавательных ситуациях каждую такую вещь трактовать как сущность, в других — считать сущностью взаимосвязь этих вещей, в третьих — комплекс их параметров.

Например, при изучении природы демографических циклов сущностью можно считать взаимосвязь вещей (населения, территорий, продуктов питания и проч.) или взаимосвязь факторов (величины населения, характеристик территорий, цен продуктов питания и проч.). Ни-

что не мешает при более пристальном взгляде трактовать как отдельную сущность (множество сущностей) каждый из указанных элементов.

Теперь попробуйте назвать территории или продукты питания «причинами» или «влияниями» — ничего толкового не получится.

Еще более важная специфика категории «сущность» — эпистемологическая. В научном исследовании искомая сущность всегда подразумевается как нечто *скрытое от непосредственного наблюдения*. Данные в непосредственном опыте явления могут быть предметом исследования, но только сугубо эмпирического, направленного на описание, каталогизацию и т.п. Такие штудии носят либо вспомогательный, либо справочный характер. Как только исследователь возжелает открыть что-то новое, выявить нечто скрытое за явлениями, он будет мыслить сущностями, искать сущности, пусть даже этим словом он не пользуется.

Вывод: несмотря на частичное сближение (иногда даже совпадение) категорий «сущность», «причина», «фактор», «объект», они не взаимозаменяемы. Слухи об устаревании и смерти категории «сущность» преждевременны.

Апология законов и закономерностей

Среди философов и многих других гуманитариев, пренебрегающих реальными результатами социальных наук, широко распространено мнение: в сфере культуры, общества, истории, человека никаких надежных закономерностей и законов нет и быть не может. Таким заблуждением грешат даже вполне грамотные аналитические философы, способные к четкому и детальному обсуждению проблем обоснования знания [Gogman 2007]. Что уж говорить об остальных?

Следует признать, что учебники и справочники по социальным наукам действительно лишены набора таких выверенных и общепризнанных законов, каковые имеются в физике и химии. Но таковых нет и в науках, изучающих естественную историю (геология и эволюционная биология), тем не менее никто особенно не сомневается, что в этих областях есть свои закономерности, пусть весьма сложные и изменчивые, пока недостаточно изученные.

Есть целый набор препятствий для достижения научного консенсуса между разными направлениями и школами обществоведов и накопления общепризнанных результатов [Collins 1999; Розов 2007]. Однако в наиболее продвинутых направлениях и областях исследования закономерности вполне успешно выявляются, гипотезы о законах формулируются и проверяются (когнитивная психология, социология конфликтов и групповой динамики, исследования социальной мобильности, криминология, урбанистика, историческая демография, многие направления исторической макросоциологии).

В другом месте я даже привел формулировки 39 законов для микро-, мезо- и макроуровней, используемых в дюркгейминско-веберинской

традиции, развиваемой И.Гофманом, Р.Каренейро, Р.Коллинзом, А.Стинчкомбом, Т.Скочпол, М.Манном и др. [Розов 2002, гл. 8]. Представлю по одному примеру из каждого уровня.

Микроуровень: «Каждый индивид высоко оценивает то, в чем он лучше всего преуспевает, и старается делать это и общаться по поводу этого как можно больше» [там же, с. 625].

Мезоуровень: «Чем дольше люди соприкасаются физически и чем больше они фокусируют внимание на стереотипных жестах и звуках, тем более реальными и само собой разумеющимися становятся смыслы тех символов, о которых эти люди думают во время этого опыта» [там же, с. 626].

Макроуровень: «В доиндустриальную эпоху при географической или социальной стесненности (circumscription), препятствующей миграции из богатой ресурсами зоны, со временем, вследствие демографического роста и расселения, непременно появляется дефицит земли, начинаются войны за землю, происходит укрупнение политических единиц, усложняется их организационная структура, растет принудительная интенсификация транспортных и производственных технологий, что вместе приводит к ускоренной политической эволюции: формированию прото- и квазигосударств, затем настоящих государств (княжеств, королевств) и обширных завоевательных империй» [там же, с. 628–629].

Практически все из 39 приведенных в книге [Розов 2002] законов обнаружены индуктивно (кроме законов макродинамики Дж.Тернера) и имеют основательное эмпирическое подкрепление. Однако их не найти в учебниках и справочниках по социальным наукам, причем не только из-за невежества и отсталости авторов последних (что, конечно же, имеет место), но также из-за вышеуказанного отсутствия консенсуса в научном мире. Во многих формулировках не специфицированы начальные условия (непременное требование К.Гемпеля), остаются возможности разных интерпретаций и т.д. При всем этом смело можно утверждать: в социально-исторических науках закономерности выявляются и законы формулируются. Каков их онтологический и познавательный статус? — это уже следующий вопрос.

Действительно, как понимать законы и закономерности? Объективистски — как особые предметы, или системы, в мире, управляющие явлениями или конструктивистски — как семантику научных суждений, удовлетворяющих неким эпистемологическим критериям?

Здесь весьма эффективной оказывается представленная выше трактовка пары традиционных категорий сущность/явление.

Сущностные (они же управляющие по Д.Литтлу [Little 1993]) закономерности включают такие скрытые (пока) компоненты и их изменения, которые производят феноменальные закономерности. Целесообразно развести *законы* (теоретические суждения с всеобщее-условной формой и наличием эмпирического подкрепления [Гемпель 2000]) и *за-*

кономерности (структуры объектов и процессов, которые описываются и объясняются данными законами).

Здесь проблема перемещается к статусу загадочных «объектов». Если данные объекты – явления (феномены с надежным познавательным доступом), то речь идет о *феноменальных (наблюдаемых) закономерностях*, например, демографических трендах. Если данные объекты – сущности, порождающие эти явления, то речь идет об *управляющих закономерностях*, например, совместном действии факторов урбанизации, роста образования женщин, характера и эффективности государственной политики по поддержке или по ограничению рождаемости, появления контрацептивов, запрета или разрешения абортов и т.д.

Соответственно, феноменальные (являющиеся) закономерности – это как бы непосредственно воспринимаемые регулярности (тренды, паттерны и проч.), точнее те, к которым есть надежный познавательный доступ, например, демографические кривые или циклы экономической динамики Кондратьева.

Фукс убедительно показал, что нескончаемые философские споры относительно реализма (объективизма) и конструктивизма (конвенциализма) обусловлены общей неверной предпосылкой: будто бы тот или иной статус можно приписать раз и навсегда одному и тому же элементу (например, закономерности). Сделать этого нельзя, потому что этот статус напрямую зависит от позиции наблюдателя. Исследователи-предметники, изучающие закономерности, обычно трактуют их вполне объективистски и натуралистически. Взвешивая на ученых философов (методологов, социологов), скорее, будет рассматривать эти «закономерности» в качестве созданных интеллектуальным сообществом конструкторов [Fuchs 2001].

Здесь студенты нередко спрашивают: как же на самом деле? Беда в том, что при признании неустрашимой множественности и разнородности позиций наблюдения, оказывается, что никакого «на самом деле» уже нет. Примерно так же, как нет и кантовского «трансцендентального субъекта», которому открыты все истины мира.

Рассмотрим известную проблему существования и статуса законов истории. Теоретизация исторической динамики уже подразумевает, что некие скрытые сущностные закономерности обуславливают наблюдаемую регулярность исторических явлений (тренды, циклы, паттерны изменений и прочее). Гораздо сложнее вопрос об онтологическом статусе и характере этих «сущностных закономерностей». Очевидно, они отличны от таких детерминированных объектов, как часы, гомеостат или Солнечная система. Обычно при этом указывают:

- на сознание и свободную волю людей – исторических акторов,
- на неповторимость обстоятельств исторических ситуаций,

- на множественность и крайнюю изменчивость причинных факторов и
- на неустранимую случайность.

Эти отличия дают возможность некоторым авторам утверждать, что в социально-исторической действительности вовсе нет «управляющих закономерностей» [Little 1993]. Если с такой позицией согласиться, что теоретизация истории и макросоциология оказываются совершенно бесперспективными: можно сколь угодно изощренно манипулировать данными, изобретать новые и новые понятия и концептуальные конструкции, но быть обреченными оставаться только на феноменальном уровне.

Более продуктивной представляется следующая онтологическая установка: сущностные закономерности, управляющие социально-историческими явлениями, есть, познаваемы, но они сами:

- изменчивы,
- сложны,
- включают в себя закономерности человеческого сознания и поведения (которыми иногда можно пренебречь, а иногда — нет),
- открыты привходящим обстоятельствам, в том числе случайного характера.

Задача макросоциологической методологии — разрабатывать исследовательские логики и подходы, которые учитывали бы эту сложность, оставаясь при этом объективными, воспроизводимыми, надежными и эффективными [Разработка и апробация... 2001]. Рассмотрим, каким образом действительное разнообразие типов явлений может объясняться посредством модификации вполне классических конструкций.

Можно, в частности, различить *регулярно повторяющиеся явления* (каждодневные пробки на дорогах, примерно одинаковая величина каждодневных рождений и смертей, сезонные наплывы и спады туристических потоков), *монотонно изменяющиеся явления* (экономический рост, рост населения или депопуляция), *однотипные явления* (экономические и политические кризисы, войны, пугчи и мятежи) и т.н. *уникальные явления* (преобразование России при Петре I, образование США, распад СССР).

Разумеется, явления, понятия и описанные как абсолютно уникальные и неповторимые, не могут получить теоретического объяснения, которое по определению обладает общностью. Эффективный ход, в свое время обозначенный Робертом Карнейро, состоит в том, чтобы любой «уникальный и неповторимый» исторический случай (убийство Юлия Цезаря, Реформацию или вышеприведенные примеры) поставить в ряд с явлениями того же типа [Карнейро 1997]. Так, известны сотни заговоров против верховного правителя и убийств («ряд Цеза-

ря»), практически во всех крупных религиях имели место реформаторские движения, расколы, образование новых форм вероучения и соответствующих религиозных организаций («ряд Реформации»); отнюдь нередкими были попытки (как успешные, так и не очень) принудительных преобразований, навязанных «сверху», в том числе и множество попыток вестернизации и модернизации аграрных империй («ряд Петра»); многие колонии отвоевывали независимость («ряд образования США»), многие многонациональные державы распались («ряд коллапса СССР»). Таким образом, есть не четыре, а три принципиально отличных друг от друга типа явлений.

Как часто бывает, вырывает обращение к классике. Сколько копий было поломано, чтобы опровергнуть номологическую концепцию «покрывающих законов» (covering laws) К.Гемпеля. Эта западная критика 1950–70-х гг. до сих пор послушно воспроизводится в большинстве отечественных книжек на эту тему. Однако «камень, отвергнутый строителями, встал во главу угла». Гемпелевский подход плодотворно используется в создании объяснительных и даже предсказательных теорий [Skospol 1979; Коллинз 1999; 2000а, 2000б; Розов 2002, гл.4]. Он также оказывается вполне применим к общему объяснению различия типов явлений.

Действительно, в определение Гемпелем общего закона входит ряд условий $C_1, C_2, \dots, C_n$, которые приводят к явлениям класса E [Гемпель 2000]. Тезис состоит в том, что в своей основе все законы, объясняющие три вышеуказанные группы явлений *однотипны* – все они гемпелевские. Разнообразие же типов явлений задается комбинацией значений следующих вариаций. Обнаруживается, что закономерности:

либо никак не влияют на сохранение или восстановление начальных условий, что ведет к регулярным повторениям (например, цветение плодовых деревьев весной, пробки на дорогах в «часы пик»);

либо систематически меняют определенные значения начальных параметров, что ведет к монотонным изменениям (например, выросшая популяция обуславливает последующий больший прирост);

либо приводят к совершенно иной конфигурации условий, при которой некоторые прежние закономерности перестают действовать, а начинают действовать другие, при этом явления одного типа сменяются явлениями другого типа с другими закономерностями (например, следствия закономерно возникших кризисов, революций или войн ведут к новым социальным режимам или международным коалициям).

Итак, законы и закономерности в социально-исторической действительности есть. Многие из них уже обнаружены, но гораздо больше предстоит выявить и подтвердить.

Эти законы и закономерности отнюдь не обязаны быть простыми, неизменными, «механическими», подобно тем, что определяют ход часов, движение планет или динамику газов.

В закономерностях могут сложным образом участвовать ментальные процессы масс, групп и даже отдельных личностей в особо значимых организационных позициях.

Закономерности могут быть усложнены процессами «встречи обстоятельств», «складывания», в которых иногда большую, иногда меньшую роль играет случайность, и это также приходится учитывать.

Наконец, разные типы закономерностей в отношении воздействия результатов процессов на начальные условия приводят к существенно разным типам исторических явлений: циклам, трендам и структурным качественным переломам (сдвигам, скачкам), блокирующим прежние и актуализирующим новые законы и закономерности.

Апология общечеловеческих ценностей

Под *ценностями* здесь понимаются предельные нормативные основания актов сознания и поведения разумных существ [Розов, 1998, с. 113]. Такие основания могут быть выражены как понятия (честность, выгода, благо, безопасность, истина, жизнь, свобода, могущество и т.д.) или как императивы (не убий, не лги, не кради, возлюби ближнего и проч.). Ценности существуют лишь постольку, поскольку существуют люди (индивидуумы, группы, сообщества), понимающие или принимающие их. С этой точки зрения ценности онтологически вторичны (в противовес классической неокантианской аксиологии Виндельбанда, Риккерта, Шелера и др.). При этом ценности не сводятся лишь к психологическим и социальным установкам, но имеют статус *культурных образцов* [Кребер, 1997; Розов, 1992], что означает транслируемость при смене человеческих поколений и регулятивную, ориентирующую, принуждающую роль по отношению к сознанию и поведению людей, принимающих эти ценности (в противовес узким психологическим и социологическим трактовкам существа ценностей).

В данной концепции любые претензии на абсолютность и универсальность ценностей считаются ложными. Ценности (например, воля Бога) могут иметь абсолютный характер, но только в рамках принимающих эти ценности сообществ. Универсальными же могли бы быть только те ценности, которые не только принимаются всеми ныне живущими людьми, но и всеми будущими поколениями; доказать же такое ни для какой ценности не возможно. Итак, *ценностный догматизм* отвергается. Основная масса ценностей — *этносы ценности*, т.е. принадлежащие тому или иному этосу: воспроизводящемуся в поколениях сообществу с особым вероисповеданием, культурой, убеждениями и проч. (этносы, нации, конфессии, устойчивые группы с субкультурами — все подпадают здесь под родовое понятие этоса).

Признание равноправия среди всего многообразия этосных систем ценностей — основа *ценностного релятивизма*. В этике хорошо известны опасности принятия такого учения: исчезают моральные основания

для противостояния таким явлениям, как геноцид, терроризм, пытки, растление малолетних, каннибальство и проч., поскольку соответствующие группы могут объявить свою систему этических ценностей и отвергать любые запреты как не абсолютные, но основанные лишь на иных этических ценностях.

Классическим ответом на ценностный релятивизм всегда было соскальзывание к претензиям на объявление той или иной системы ценностей как высшей, абсолютной и нормативно универсальной (обязательной для всех), т.е. принятие того или иного варианта ценностного догматизма.

В этической концепции *конструктивной аксиологии* предпринята попытка *via media*: сохранение нормативной универсальности (общеобязательности) для определенного круга ценностей при отказе от претензий на их высший статус и абсолютность [Розов, 1998, раздел 2.1].

Общезначимые ценности – это понятийное выражение главных условий, выполнение которых необходимо для сохранения возможности всех людей (индивидов, групп, сообществ) осуществлять свои этические ценности.

Аксиологический анализ позволил выделить два класса общезначимых ценностей: *кардинальные*, означающие первичные условия выполнения каких-либо ценностей (человеческая жизнь, здоровье, достоинство, основные права и свободы личности) и *субкардинальные*, означающие условия необходимые для выполнения этих первичных условий (формы социальной защиты, политико-правовые нормы защиты личности и основных гражданских прав, экологические характеристики среды проживания, необходимые для сохранения здоровья, международные нормы, обеспечивающие безопасность и др. [там же]).

Отнюдь не случайно состав общезначимых ценностей (кардинальные плюс субкардинальные) во многом совпадает с рядом общечеловеческих ценностей, лежащих в основе важнейшего международного документа: Декларации прав человека.

Теперь, вооружившись аксиологической теорией, рассмотрим ключевые вопросы апологии:

- 1) почему и в каком смысле общезначимые (общечеловеческие) ценности *интерактивно приоритетны* в сравнении с национальными ценностями и интересами, культурно-, и цивилизационно-, конфессионально-, этнически– специфическими ценностями (в том числе символами, идеалами, святынями и проч.)?
- 2) по каким причинам общечеловеческие ценности к концу XX века утратили привлекательность, во многих странах и культурах были вовсе дискредитированы, уступили позиции местным специфическим ценностям и интересам?
- 3) Есть ли и в чем состоит путь реабилитации общезначимых (общечеловеческих) ценностей?

Важный и тонкий момент: ни в коем случае нельзя смешивать *интерактивную приоритетность* (см. п. 1) и верховенство. Ни одна уважающая себя культура, конфессия, национальная идеология никогда не признает какие-либо ценности более высокими, чем собственные. Давно и многими отмечалось, что споры о том, кто истинный Бог (Христос, Аллах или Будда), чья книга священнее, чья вера спасительнее, чьи идеалы возвышеннее и т.п. непродуктивны, никогда не приводят к согласию, но чреваты отчуждением, насилием, вплоть до массовых кровопролитий и войн.

Совсем другое дело, когда приверженцы разных ценностных систем должны взаимодействовать, договариваться о правилах обмена, общения, сотрудничества, разрешения споров, в том числе таких острых, как территориальные. Для этого всегда нужна некая общая платформа. Принятие в качестве таковой любой локальной, специфической системы ценностей непременно будет ущемлять и оскорблять приверженцев иных систем.

В этом отношении общезначимые ценности являются незаменимыми, поскольку сформулированы именно как необходимые условия осуществления *разными* сообществами своих *разных* систем ценностей и интересов.

Рассмотрим споры о контроле над территориями, современные острые конфликты, связанные с сепаратизмом (Сербия и Косово, Испания и Баскония, Великобритания и Северная Ирландия, Грузия, Абхазия и Южная Осетия, Молдавия и Приднестровье и т.д.). Попытки правовым способом разрешить противоречие между принципом территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение ни к чему не приводят, конфликт либо замораживается, либо явочным порядком «решается» на основе силового фактора (чьи войска контролируют территорию — случаи Косово, Абхазии, Приднестровья) и создания доминирующей коалиции в пользу признания или непризнания сепаратистов.

Альтернативный подход более труднее, но перспективнее в смысле действительного долговременного взаимоприемлемого разрешения конфликта. Исходить нужно, прежде всего, из необходимости конструирования такой конфигурации территориального контроля (возможно, довольно сложной и многосоставной), которая обеспечивала бы общезначимые ценности (безопасность, равные права, гражданские и политические свободы и т.д.) населению спорных и окружающих территорий. Вероятно, любой такой проект потребует взаимных уступок с обеих противостоящих сторон, но это уступки могут и должны быть компенсированы (перекрыты) новыми возможностями, открывающимися после мирного разрешения конфликта [Розов 1998, раздел 2.3].

Итак, общезначимые ценности приоритетны во взаимодействии между сообществами разных культур и убеждений, они позволяют каж-

дому такому сообществу сохранять свою идентичность и культурно-символическое «первородство», дают им всеобщую платформу для переговоров, в том числе для мирного разрешения таких острых ресурсных конфликтов, как территориальные споры.

Причины, по которым общечеловеческие ценности к концу XX века утратили привлекательность, были дискредитированы, уступили позиции местным специфическим ценностям и интересам, вполне понятны. Эти ценности имеют преимущественно западное, евро-американское, происхождение. Создание ООН и принятие Декларации прав человека осуществились во второй половине 1940-х гг. благодаря международному моральному и институциональному доминированию антигитлеровской коалиции на волне общего энтузиазма победы над фашизмом с его «преступлениями против человечества». Несмотря на начало холодной войны, на той же общегуманистической волне шли последующие процессы деколонизации, образования множества новых национальных государств. Обе сверхдержавы — США и СССР — со своими сателлитными блоками (Первый и Второй миры) претендовали на право считаться лучшим (единственным) продолжателем и воплощением общегуманистических идеалов краткого периода общего антифашистского триумфа, соответственно, каждая пыталась перетянуть на свою сторону страны Третьего мира.

В той же исторической логике находится и распад в конце 1980-х гг. Второго мира — социалистического блока, а затем в 1991 г. и самого СССР. «Новое мышление», «общечеловеческие ценности», «возвращение на магистральный путь свободы и процветания» фактически были лозунгами признания Первого мира — евро-американского союза (включе с Израилем, Японией, Австралией и др.) как флагмана магистрального пути прогресса и единственного законного преемника глобальных гуманистических идеалов второй половины 1940-х гг.

В этом пункте следует четко зафиксировать, что геополитические, геоэкономические и геокультурные интересы Запада, особенно, получивших мировую гегемонию Соединенных Штатов, никак не совпадают с общезначимыми ценностями. На протяжении всей второй половины XX века с этим столкнулись и страны Южной Америки, и ближневосточные государства (Турция, Сирия, Ливан, Египет), и многие страны Азии и Африки, сделавшие ставку на Запад.

Россия, увы, при всей своей «уникальности» попадает в тот же ряд. Отверженность и разочарование привели не только к отчуждению по отношению к Западу, но и к дискредитации гуманистических общечеловеческих ценностей, в пропаганде которых стали видеть лишь демагогию коварных хищников. Вполне закономерно, что ценностный вакуум был тут же заполнен национальными, традиционалистскими, фундаменталистскими и подобными системами идеалов, интересов и символов.

Есть ли выход из сложившейся ситуации и в чем состоит путь реабилитации общезначимых (общечеловеческих) ценностей? Вопрос этот столь масштабен, что требует обращения к не менее масштабной модели.

Происходящие в мире противоречивые процессы по-прежнему четко структурируются отнесением к трем мегатенденциям мирового развития, описанным еще в начале 1990-х гг. [Розов 1992, гл. 4].

Первая Мегатенденция глобальной вестернизаторской ассимиляции стала известна позже как «глобализация», многократно описана и объяснена, поэтому здесь в комментариях не нуждается.

Вторая, протестная, антизападническая Мегатенденция изоляционизма/конфронтации ярко проявляется в крайних (Иран, Венесуэла, Северная Корея, Белоруссия, Туркмения, Албания), средних (имперско-реваншистские движения и политические векторы в России, Китае, Японии) и мягких формах (почти повсеместно имеющиеся антиамериканские настроения).

Третья Мегатенденция международного партнерства, диалогов равноправного сотрудничества, собственно, продолжает общегуманистическую линию времен принятия Декларации прав человека, но является на несколько порядков более слабой, рыхлой, разрозненной, чем первые две Мегатенденции.

Звонкие фразы про партнерство, равноправие и сотрудничество господствуют в политической риторике, но реальная политика в гораздо большей степени определяется ситуативными конфигурациями первых двух Мегатенденций. Защитниками общезначимых ценностей и, соответственно, проводниками Мегатенденции III следует считать альтерглобалистские, правозащитные, экологические организации, движения за свободу слова и независимость массмедиа, за права меньшинств, движения против пыток, расизма и шовинизма, против политических преследований.

Какое отношение это имеет к восстановлению статуса общечеловеческих ценностей? Будем исходить из наиболее общего прогноза дальнейшего развертывания и взаимодействия всех трех Мегатенденций.

Поскольку две первые гораздо сильнее третьей, в них и будут делаться основные инвестиции (в самом широком смысле) в обозримом будущем. Грубо говоря, наращивать обороты будут и вестернизаторская глобализация (Мегатенденция I), и противодействующая ей антизападническая и антиамериканская политика многих стран (Мегатенденция II). В этой схватке они накрепко связаны вместе подобно вальсирующей паре, и им суждено вместе пройти свой путь борьбы — вплоть до неизбежного тупика.

Действительно, крайне сомнителен выигрыш той или другой мегатенденции. Уже вполне очевидно, что был не прав и Фукуяма, предрекавший «конец истории» вследствие глобальной победы западной модели общества (т.е. господства Мегатенденции I), и антизападники ти-

па наших Зиновьева, Панарина, Проханова, Дугина и К°, мечтавших о создании и победе нового интернационала, объединяющего всех, униженных и оскорбленных проамериканской глобализацией (т.е. о консолидации и триумфе Мегатенденции II).

Следовательно, нужно ожидать либо установления затяжной патовой ситуации, либо истощения сил в борьбе (возможно, включающей и войны), что в любом случае приведет к необходимости пересмотра исходных принципов и мотивов взаимодействия. Какую же еще тогда смогут стороны найти платформу кроме защиты жизни, здоровья, безопасности, прав личности вне зависимости от цвета кожи и национальной принадлежности?

Итог прост, несмотря на вполне закономерную (см. выше) и затянувшуюся дискредитацию общезначимых (общечеловеческих) ценностей, в долгосрочной перспективе противостояния двух мощнейших Мегатенденций мирового развития по мере нарастания кризисов, разочарования в них обеих, роста усталости от самой безнадежной борьбы авторитет общезначимых ценностей будет закономерно расти.

Апология демократии

В современной России демократия почти настолько же дискредитирована, насколько и общечеловеческие ценности, но различие в том, что слово «демократия» не забыто, а захватано, замылено и оболгано. Преодолеть эту неприятность можно только благодаря четкости критериев, позволяющих отличить подлинную демократию от ее имитаций (в том числе, «управляемой», «суверенной» и проч.).

На основе синтеза классических и современных представлений [Локк 1988; Шумпетер 1995; Даль 2003; Карл и Шмиттер 1993; Гельман 2001; Мизес 2001; Меркель и Круассан 2002 и др.] сформулируем главные критерии, которые позволяют говорить о том, является ли некоторое политическое устройство демократическим и насколько. Стандартные формулы здесь дополнены указанием на более операциональные механизмы специально для отличения реальной демократии от ставшей уже привычной нам имитационной:

- 4) реальная возможность граждан прямо или через своих представителей принимать законы и сменять исполнительную власть, соответственно, последняя подотчетна перед гражданами и/или перед их избранными представителями; есть реально доступные механизмы смены представителей власти любого уровня гражданами и/или их избранными представителями;
- 5) наличие публичной политики как равной конкуренции групп, партий, за признание и голоса граждан; передача и перераспределение власти осуществляются путем назначений «сверху»

только в заданных временных рамках и границах полномочий; тогда как ключевые властные позиции определяются соответственно уровню общественного доверия — на основе результатов выборов.

- 6) разделение властей: прежде всего, реальная независимость судов и законодательных органов от исполнительной власти; судей и избранных представителей (депутатов) не могут принуждать или контролировать назначенные государственные служащие (чиновники);
- 7) фиксация и реальное осуществление формальных правил равноправного политического взаимодействия и ротации власти; данная система правил, с одной стороны, открыта для участия (не позволяет исключить из политической борьбы неугодных), с другой стороны, дает равные возможности сторонам (не позволяет никому получить заведомые преимущества, например, с помощью административного ресурса, принуждения и проч.);
- 8) обеспечение политических и гражданских прав и свобод; наличие реальных механизмов, позволяющих гражданам, их избранным представителям и независимым судам привлекать к ответственности любых представителей власти, ущемляющих эти права и свободы, либо не обеспечивающих должной их защиты.

Остроумный критерий по А.Пшеворскому «демократия — это такое политическое устройство, в котором правящая партия может проиграть выборы» [Пшеворский 2000] следует расценивать как вполне операциональный диагностический признак.

Недостатки демократического устройства хорошо известны: дороговизна, неповоротливость, склонность к бюрократизации, издержки ротации власти, неизбежная срочность партийной политики с большими деньгами (как следствие необходимого финансирования предвыборных кампаний), всегда наибольший выигрыш буржуазного класса, соскальзывание к делегативности и полной политической пассивности большинства населения и т.д.

Вместе с тем есть несколько доводов, перевешивающих эти пороки демократии и подкрепляющих знаменитый афоризм Черчилля о том, что остальные режимы «еще хуже». Несмотря на множественность альтернатив (традиционные патримонии, разные типы монархий, деспотии, тоталитаризм, военные диктатуры и проч.) в недемократических устройствах есть общие черты, которые удобно обозначить как авторитаризм (в широком смысле) и содержательно представить через отрицание всех пяти критериев демократии:

- у граждан нет возможностей влиять на законы и легитимно (без восстаний и насилия) менять исполнительную власть;

- публичная политика как конкуренция групп и партий, апеллирующих к обществу, отсутствует, либо деформирована и сугубо декоративна;
- нет разделения властей, причем, обычно исполнительная власть либо слита с законодательной и судебной, либо подчиняет их; избранных представителей либо вовсе нет во власти, либо их могут принуждать и контролировать чиновники;
- нет формальных правил регулярной ротации власти, либо (при наличии таковых в имитационных демократиях) смена власти происходит запрограммировано благодаря манипулированию правилами правящей группой в свою пользу и/или совсем по другим — закулисным, неформальным сговорам;
- наконец, нет надежного обеспечения прав и свобод граждан, которые наиболее беззащитны перед властью; суды не способны их защитить, либо сами являются орудиями исполнительной власти по подавлению прав и свобод.

Главный довод в пользу демократии носит политический и нравственный характер: демократия — это противоядие от соскальзывания политической системы либо к диктатуре и государственному насилию, либо к хаосу и анархическому насилию.

Следует отметить связь афоризма Черчилля с весьма глубокой и нетривиальной мыслью либеральной политической философии: *дело политики — не привести людей к раю, но не допустить ада*. Демократию справедливо критикуют за то, что она никак не приводит к «раю» и отнюдь не гарантирует его установления. Зато она препятствует узурпации власти, стагнации системы и ее кризисным обвалам, за которыми как раз и следует социальный «ад» — массовое насилие, вначале анархическое («революционное»), а затем проводимое новыми узурпаторами. В этом пункте тема демократии оказывается прямо связанной с темой общезначимых ценностей.

Дело в том, что демократические принципы, правила и институты являются *субкардинальными ценностями*, обеспечивающими такие *кардинальные ценности*, как человеческая жизнь, здоровье, достоинство, свобода и личная безопасность как защита от неправового насилия. Вот почему демократизация — это не случайная политическая мода и не частная идеология в ряду других идеологий, но аксиологический и нравственный императив.

Второй довод носит системный характер. Демократия обеспечивает наиболее эффективную обратную связь власти с интересами разных групп граждан. Людвиг фон Мизес выражает эту мысль так: «демократия — это такая форма политического устройства, которая позволяет приспособлять правительство к желаниям управляемых без насильственной борьбы» [Мизес 2001]. В авторитарных обществах функция обратной связи либо подавлена, либо реализуется в крайне устарев-

ших и неэффективных формах жалоб, наращивания вертикального контроля, раздувания отчетности и учащения бюрократических проверок: вертикальный договор имманентно неустойчив [Аузан 2004]. Здесь нравственным фоном являются такие кардинальные ценности как свобода и права человека, в том смысле, что каждый гражданин должен иметь право и реальную возможность в той или иной форме участвовать в принятии решений, касающихся его жизни и жизни его окружения.

Третий довод — демократия как фактор экономической эффективности [Липсет, Торрес 1993] — следует признать довольно слабым и неочевидным. Традиционно демократические страны (США с Канадой, Западная Европа, Австралия с Новой Зеландией) действительно весьма эффективны в экономике. Однако есть случаи как политико-экономических провалов демократий (драматическая история французских республик, Временное Правительство в России, Веймарская республика в Германии и др.), так и экономически эффективного авторитаризма.

Четвертый довод, насколько мне известно, не имеет надежного эмпирического подтверждения, но теоретически вполне обоснован. Демократии более оперативно и эффективно отвечают на новые вызовы, а поскольку в современную эпоху такие вызовы становятся все более частыми и требовательными, демократическое устройство становится не только морально-политическим, но эволюционным императивом.

Способность демократий отвечать на сложные современные вызовы обусловлена, прежде всего, наличием публичной политики, соответственно, представленностью в общественном сознании разнообразия позиций, идей, дискуссий относительно вызовов, угроз и возможностей, оценок решений и стратегий, а также наличием механизмов воплощения победивших в полемике идей и стратегий в реальной политике, легитимными сменами власти при неудачах [ср. Гайдар 2006].

Все это не компенсируется закрытыми бюрократическими способами выявления и решения проблем, характерными для авторитарных режимов (если эти способы вообще не вырождаются только в деятельность спецслужб, борющихся с любыми критиками власти и системы).

Неспособность Японии (демократия которой является во многом имитационной) выйти из затяжной стагнации, пусть и на высоком уровне развития, подтверждает данный тезис. Успехи роста и развития таких стран с авторитарными режимами, как Китай, Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты, Казахстан, противоречат тезису. Если эти успехи роста продлятся при переходе к постиндустриальному обществу, даже при неблагоприятной конъюнктуре и преодолению разнообразных угроз и вызовов нового типа, то нужно будет корректировать тезис, искать в успешных режимах особые структуры и механизмы, заменяющие демократическую открытость и гибкость.

Некоторые эффективные механизмы социально-политического устройства, способные компенсировать отсутствие демократии, уже известны. Эту роль могут выполнять кланы, землячества, благодаря которым высокая вертикальная мобильность для молодых талантов не отменяет клановых и земляческих отношений солидарности (Китай). Благодаря особым обстоятельствам в стране могут устойчиво преобладать ответственные национальные элиты (т.н. «селекторат», см.: [Vueno de Mesquita 2003]), контролирующие верховную власть, препятствующие росту nepотизма и коррупции (Япония, Тайвань, Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты).

Беда в том, что в России ни этих, ни каких-либо других факторов, компенсирующих отсутствие демократии, демпфирующих пороки авторитаризма, нет и не ожидается. Российским социологам и политологам хорошо известны крайняя степень пассивности, патерналистских и подданнических массовых установок населения, традиционная безответственность власть имущих, привычно относящихся к подведомственным территориям как вотчинники (в лучшем случае) или же вовсе как временщики и оккупанты. Результирующая «русская система власти» [Пивоваров, Фурсов 1999], могла быть в некоторые периоды истории эффективной в военно-мобилизационном плане, но сейчас способна только доводить пороки авторитаризма (коррупцию, равнодушие к безопасности граждан, произвол силовых структур, подавление инакомыслия, удушение экономической конкуренции и т.д.) до крайних пределов.

Верно, что вышеуказанные черты российской политической культуры являются громадным препятствием для демократизации, на это уже многократно указывалось, и с этим удручающим обстоятельством не поспоришь. Однако при этом обычно не осознается, что те же самые особенности политической культуры и соответствующей «русской системы власти» *не оставляют никаких надежд ни на какую эффективную замену демократических институтов.* Иными словами, если Китай, Сингапур, Эмираты могут динамично развиваться и богатеть благодаря встроеным традиционным «заменителям», то для России этот путь оказался наглухо закрытым.

Парадокс в том, что, несмотря на всю мощь факторов, препятствующих демократии в России, надежды на ее устойчивое процветание (благодаря уму и рукам, а не трубопроводам) могут быть связаны только с еле-еле брезжащим светом демократии в конце длинного туннеля. Возможно даже — туннеля длиной в несколько поколений...

Литература

- Аузан А. А. Вертикальный контракт неустойчив // Отечественные записки. 2004. № 6.
- Гайдар Е. Т. Авторитарные режимы: причины нестабильности // Общественные науки и современность. 2006. № 6.

- Гельман В. Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. №2. С. 81–108.
- Гемпель К. Функция общих законов в истории (Первоначально опубликовано в 1942 г.) // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 2000.
- История и математика. Концептуальное пространство и направления поиска. М.: URSS, 2007.
- Карл Т.Л., Шмиттер Ф.К. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе // Международный журнал социальных наук. 1993. №3. С. 29–45.
- Карнейро Р. Культурный процесс / Антология исследований культуры. Т. 1. Спб.: Университетская книга, 1997.
- Коллинз 2000а: Коллинз Р. Золотой век исторической макросоциологии // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 72–89.
- Коллинз 2000б: Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 234 – 278.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Кребер А. Стиль и цивилизации. Конфигурации развития культуры // Антология исследований культуры. М.: Университетская книга, 1997.
- Липсет С., Сен К.-Р., Торрес Дж. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. №3. С. 28.
- Локк Дж. Соч. в трех томах. Т. 3. М., 1988.
- Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I). Полис. 2002. № 1.
- Мизес Л. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. А. В. Куряева. М., 2001.
- Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. Русская Власть и Реформы. Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
- Попшер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
- Пшевровский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.
- Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск. Наука, 2001.
- Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992.
- Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1998.
- Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. М.: Логос, 2002.
- Розов Н.С. «Осень» и будущая «весна» эпистемологии: перспективы номологического синтеза в социальных науках // Социальная эпистемология. 2007. №3.
- Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм. М., 1953.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

- Bueno de Mesquita, Bruce, Alastair Smith, Randolph M. Siverson, and James D. Morrow. *The Logic of Political Survival*. Cambridge, MA: MIT Press. 2003.
- Collins, Randall. *Socially Unrecognized Cumulation* // *American Sociologist*, Summer, 1999.
- Fuchs, Stephan. *Against Essentialism. A Theory of Culture and Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2001.
- Gorman, Jonathan. *Historical Judgement*. Acumen. 2007.
- Little, Daniel. *On the Scope and Limits of Generalizations in the Social Sciences*. *Synthese* 1993. 97(2).
- Rawls, John. *Political Liberalism* (Columbia Classics in Philosophy Series). 2005.
- Skocpol, Theda. *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge Univ. Press, 1979.